

Е. В. ПАДУЧЕВА

**О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ
ВИДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ***

Шестидесятые годы прошлого века были ознаменованы революцией в семантике. Главное открытие состояло в том, что значение слова нужно описывать не само по себе, а в составе сентенциальной формы, с переменными по актантам, см. обоснование этого принципа в [Апресян 1974: 98]. На смену семантическим признакам пришли толкования, которые позволили выделять в слове смысловые компоненты предикативной структуры. Возникли семантические метаязыки значительно более тонкие и мощные, обеспечивающие естественное взаимодействие семантики с синтаксисом.

Почти одновременно с лексической семантикой идею толкований стала осваивать аспектология. В статье [Wierzbicka 1967] было дано толкование нескольким видовым парам польских глаголов и тем самым предложен метод толкования видовой морфемы через толкование пропозиции с глагольной словоформой соответствующего вида. Далее в классической работе [Гловинская 1982] (см. также [Апресян 1980; Апресян 1988]) были представлены толкования совершенного и несовершенного вида для ряда крупных классов глаголов русского языка (для действий типа *вбить* и типа *уговорить*; для стативных глаголов типа *возглавлять* и других; для неопределенных процессов типа *увеличиваться*), а также для нескольких малых классов, таких как параметрические глаголы (*вмещать*, *весить*) или перформативы.

Следующий шаг состоял в осознании того, что смысловое соотношение между глаголом совершенного и несовершенного вида в видовой паре в существенной степени предопределено аспектуальным классом глагола по Вендлеру. Точнее, речь шла об аспектуальных классах, помноженных на агентивность, т. е. о категориях — таких как действие, деятельность, процесс, состояние, происшествие и др., см. работы: [Бульгина 1982; Mehlig 1981/1985; Падучева 1986] и [Падучева 1996: 103—121]. В конечном счете в семантике видовой формы стала различаться лексическая

* Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РФНФ, проект № 05-04-04130а.

аспектуальность, выраженная принадлежностью глагола к той или иной категории, и собственно грамматическая семантика вида, т. е. прежде всего ракурс — синхронный vs. ретроспективный; иначе — перспектива.

Идея о отдельной лексической и грамматической аспектуальности лежит в основе так называемой двухкомпонентной теории вида, см. [Smith 1991; Смит 1998] (грамматическая аспектуальность — это *point of view aspect*). Но само разграничение лексической и грамматической аспектуальности свойственно не только этой теории, но и всем концепциям, которые, с одной стороны, работают с категориями, т. е. с аспектуально значимыми лексическими классами глаголов, а с другой — пользуются понятием перспективы, ракурса или точки отсчета (иначе — противопоставлением синхронного и ретроспективного наблюдателя): аспектуальное значение есть соединение аспектуальной категории глагола с темпоральной схемой ракурса. О синхронии и ретроспекции как понятиях, аспектуально значимых в том числе и для русского вида, см. [Падучева 1986; Tatevosov 2001; Пазельская 2003]. Намек на применимость рейхенбаховской точки отсчета в славянской аспектологии содержался еще в [Wierzbicka 1967].

Сейчас можно с уверенностью исходить из того, что семантика категории задается ее категориальным каркасом — схемой толкования, общей у глаголов данной категории. Эта идея прослеживается в работах [Wierzbicka 1980; Dowty 1979; Jackendoff 1990]; на этом же основывается концепция системы «Лексикограф», изложенная в [Падучева 1996]. Преимущества, вытекающие из выделения в толковании глагола категориального каркаса и лексической константы, четко изложены в работе [Levin, Rappaport Hovav 1998].

В рамках этих общих положений обратимся теперь к проблеме инварианта.

I

Как известно, морфология русского вида крайне нерегулярна. Между тем русский школьник безо всякого затруднения отличает совершенный вид от несовершенного: *упал* — СВ, *брал* — НСВ. В падеже он может ошибиться, с видом, парадоксальным образом, дело обстоит проще. Значит, между СВ и НСВ должно быть какое-то простое семантическое различие. Но как же так, если у одного только несовершенного вида лингвисты различают с дюжину различных частных значений (см. списки в работах А. В. Бондарко, О. П. Рассудовой, М. Я. Гловинской и др.)? Более того, известно явление конкуренции видов, когда СВ и НСВ значат почти одно и то же. Конечно, «почти» не значит «в точности». Сравним (1а) и (1б):

- (1) а. Университета Бернард Шоу не кончил;
б. Университета Бернард Шоу не кончал.

Фраза (1а) дает понять, что Бернард Шоу учился в университете, а фраза (1б) означает, скорее всего, что и не поступал. Ясно, однако, что школьник, который должен определить вид словоформы, этой семантикой не занимается. Дело в том, что он вообще имеет дело со словоформой самой по себе, меж тем

как частные значения порождаются контекстом. Есть надежда, что инвариант обнаружит себя, если «очистить» значение видовой формы от контекста. Какой же это контекст?

Видовая граммема в своем функционировании входит в два вида контекста: контекст лексемы и контекст высказывания, т. е. синтаксис, речевой акт, режим интерпретации формы времени и прочее. Соответственно, проблему инварианта можно разделить на две: 1) есть ли у вида лексический инвариант, т. е. есть ли инвариантное значение у словоформ данного вида от разных глаголов, и 2) есть ли инвариант у употреблений словоформ в разных высказываниях.

Поначалу нас будет интересовать лексический инвариант: можно ли найти нечто общее в значении вида у разных глаголов? В рамках этой первой задачи от влияния фразового контекста следует отвлечься, ставя видовую словоформу разных слов всегда в один и тот же фразовый контекст, наиболее естественный для словоформ данного вида (ср. понятие сильной позиции в фонологии). Для СВ самый естественный контекст — прошедшее время, для НСВ — настоящее, причем режим интерпретации времени должен быть в обоих случаях речевой (иначе — диалогический, дейктический). К остальным контекстам — будущее время для совершенного вида, прошедшее и будущее для несовершенного — можно будет вернуться позже.

Совершенный вид прошедшего времени дает ретроспективную точку зрения на ситуацию; несовершенный вид настоящего времени задает синхронную перспективу — одновременность с моментом речи:

- (2) а. Смотри, кто-то *вошел* в зал;
б. Смотри, кто-то *входит* в зал.

Двухкомпонентная теория различает у грамматического вида (point of view aspect) два значения — перфект, выражающий ретроспективу, и имперфект, который фиксирует синхронную перспективу. Русская словоформа НСВ допустима не только в синхронном — имперфективном — контексте, как в (2б), но и в ретроспективном; ретроспективный контекст дает так называемое общефактическое значение НСВ:

- (3) Ты *входил* в зал?

Но общефактическое значение не является для НСВ основным: ретроспективный ракурс для формы НСВ явно вторичен, так что в рамках первой задачи мы вправе не принимать его во внимание.

Следует сказать два слова о режиме интерпретации времени. Речевой режим противопоставлен нарративному, см. [Падучева 1986]. В нарративном режиме нет той прямой связи между временем и перспективой, что в речевом, поскольку нарратив опирается на текущий момент текста, а не на момент речи. Особенно существенно это влияет на семантику НСВ — в нарративе прошедшее время НСВ может выражать синхронную перспективу:

- (4) Я *ехал* на перекладных из Тифлиса (М. Лермонтов).

Верно и обратное — форма настоящего времени несовершенного вида в нарративе может не выражать синхронной перспективы, употребляясь, так

сказать, в значении совершенного, а именно в значении ретроспекции по отношению к текущему моменту повествования:

- (5) Раз *приходит* [НСВ] ко мне приятель ≈ 'Раз пришел [СВ] ко мне приятель'.

З а м е ч а н и е 1. Термин *режим* можно перевести на англ. язык как *register*. Но в русской системе терминов «режим» не то же, что «регистр», см. о пяти коммуникативных регистрах в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004] (ни один из них не совпадает ни с речевым, ни с нарративным). О речевой и нарративной интерпретации дейксиса см. в [Апресян 1986].

В рамках первой задачи можно было бы не исключать из рассмотрения контекст прошедшего нарративного: лингвист до сих пор чаще имеет дело с нарративными текстами, чем с разговорным языком. Однако выделение настоящего речевого как эталона синхронной перспективы полезно для точности формулировок, а на общность выводов это никак не повлияет.

Итак, чтобы выявить лексический инвариант вида, мы ставим видовую словоформу в «сильную позицию»: для СВ это позиция ретроспекции (*Ваня встал*), она же и единственно возможная, а для НСВ выбираем синхронную перспективу (*Ваня встает*) за исходную. Синхронная перспектива — это то же, что синхронная точка отсчета, синхронная позиция наблюдателя, синхронный ракурс.

Ниже определение I выявляет инвариантное значение совершенного вида, определение II — несовершенного.

Определение I. Форма СВ означает: 'в некоторый момент t до момента речи не было P; в момент речи — P'.

Определение II. Форма НСВ означает: 'P имеет место в момент речи и будет иметь место некоторое время после'.

P — это может быть свойство, соотношение, состояние, процесс, деятельность, в зависимости от лексической семантики глагола.

Иначе говоря, форма СВ означает, что нечто было, а сейчас этого нет, или наоборот, раньше не было, а сейчас есть: грубо говоря, сейчас иначе, чем было. (Не следует, однако, думать, что *в момент речи* значит то же, что *сейчас*; см. ниже Замечание 2.) А НСВ означает, что нечто есть сейчас и в течение некоторого времени будет: в форме НСВ содержится некий прогноз на будущее (см. об этом [Бульгина 1980: 146]). Иными словами, совершенный вид обозначает (происшедшее) изменение, а несовершенный — сохранение прежнего состояния.

Кроме значения, которое задает определение II, НСВ от всех парных глаголов может иметь три в и а л ь н о е значение многократного повторения ситуации, обозначенной глаголом СВ. Так что у парных глаголов НСВ два инварианта.

Определение I — это, в сущности, выжимка из толкований (для разных классов глаголов СВ), предлагавшихся в [Гловинская 1982]. В [Гловинская 1998] обосновываются преимущества использования для описания семантики СВ глагола *начаться*¹ по сравнению с *измениться*, который предлагался

¹ Ср., однако, глагол *отдохнуть* и другие, которые явно обозначают прекращение, а не начало состояния.

на роль инварианта в [Antinucci, Gebert 1975]. На самом деле, как легко видеть, нет необходимости ни в одном глаголе, ни в другом (заметим, что они не входят в последний, самый большой список примитивов у Вежбицкой, см. [Wierzbicka 1996]): инвариант СВ легко формулируется без их участия.

Пример использования определений:

- (6) а. Ваня *сел* [СВ] ⊃ ‘в некоторый момент *t* до момента речи не сидел, в момент речи сидит’;
 б. Ваня *сидит* [НСВ] ⊃ ‘в момент речи сидит и еще некоторое время будет сидеть’

Предлагаемые определения близки к формулировкам Э. Кошмидера, который противопоставляет *Eintritt*, ‘наступление чего-то нового’, и *Wären* ‘протекание’, ср. [Маслов 1976]. Рассмотрим, однако, примеры, где применение этих определений наталкивается на трудности.

1. Несовершенный вид

Модификатор «некоторое время», естественно, теряет смысл, если глагол обозначает постоянное или вневременное свойство/соотношение, т. е. в контексте гномического настоящего:

- (7) Она *хромает*; Земля *состоит* из суши и воды.

Это глаголы, у которых само наличие категории времени есть следствие обязательности грамматической категории, потерявшей смысл, как число в случае несчетных имен.

Некоторые глаголы в НСВ обозначают ситуацию, которая хотя и длится какое-то время, но не допускает синхронной перспективы. Таково, например, зрелищное *видеть* (как в примере *Я видел этот фильм*), описанное в [Апресян 1980]; тем же свойством обладают формы НСВ от *навестить*, *зайти*, *забежать*, *заехать*, *посетить*, *заглянуть* (в значении ‘зайти не надолго’), *встретиться* (как в контексте *Я знаю этого шахматиста, мы в с т р е ч а л и с ь в матче на первенство Европы*).

В случае многократности та ситуация Р, которая имеет место сейчас и будет иметь место некоторое время после, — это ситуация повторения события:

- (8) Он *приходит* к нам каждое воскресенье = ‘так обстоит дело сейчас и так будет некоторое время потом’; *сейчас* обозначает сверхдолгий интервал, это расширенное настоящее.

Подчеркнем, что синхронную перспективу допускают отнюдь не только те глаголы, у которых НСВ имеет актуальное значение; ее имеют формы НСВ моментальных глаголов — *выигрывать*, *опаздывать* (тенденция), *покидать* (предстояние), *ошибаться*, *рисковать* (интерпретация поступка) и под. Все эти глаголы подтверждают инвариант. Даже *приходить* способно иметь однократное синхронное понимание — например, в значении предстояния:

- (9) Итак, я *прихожу* к вам завтра в семь.

Синхронное значение возникает у формы НСВ — при синхронной перспективе — и в прошедшем времени; ср. прошедшее нарративное в примере (4) или значение предстояния в (10):

- (10) Его *осуждали* на пять лет, но тут вышел указ (пример из [Падучева 1996: 116]);
 В 1980 году *исполнялось* столетие со дня рождения Блока;
 На следующей неделе он *уходил* в отпуск².

Таким образом, предлагаемый инвариант НСВ работает не только на настоящем времени: время может быть и прошедшее и будущее; важно, чтобы была синхронная перспектива.

2. Совершенный вид

Есть глаголы, у которых наличие формы СВ вызывает недоумение. Между тем предлагаемый инвариант предусматривает для нее вполне правдоподобную интерпретацию. Так, в (11) ситуация, которая сначала была, а потом ее не стало, — это состояние намерения:

- (11) Я *остался* дома = ‘я намеревался уйти, сейчас нет этого намерения’.

У глагола *составлять* в стативном значении (см. обсуждение этого глагола в [Раппапорт 1998]) есть парный СВ *составить*, который может иметь две различных интерпретации:

- (12) а. Инфляция *составила* 7% = ‘инфляция не была равна 7%, сейчас равна’;
 б. Словарь Шекспира *составил* 12000 слов = ‘раньше не знали объема словаря Шекспира, теперь известно, что это 12000 слов’.

Значение, которое получает фраза (12б), строится по образцу толкований, предлагавшихся в [Гловинская 1982] для параметрических глаголов, например, *вместить*. Совершенный вид от стативов образуется, однако, не последовательно; он есть у *вмещать*, *включать*, *составлять*, но не у *стоить*, *состоять*.

Лучше всего определение II работает на глаголах СВ, имеющих перфектное значение, таких как *упасть*; у них Р — состояние. Но оно применимо и к событийным глаголам, таким как *посчастливившись*, у которых Р — событие.

У предельного глагола формы СВ и НСВ позволяют представить одну и ту же ситуацию в двух перспективах: СВ выражает действие в его целостности (*Иван построил дом*), т. е. в ретроспективе, а несовершенный выделяет одну из фаз гомогенного процесса накопления эффекта (*Иван строит дом*), представляя этот процесс в синхронной перспективе.

Некоторые стативные глаголы тоже позволяют представить ситуацию в двух перспективах — как состояние (инцептивное) и как наступление состояния; это глаголы, которые входят в перфектные пары: эмоции (*огор-*

² Заметим, что если трактовать глагольную форму в примере (9) как настоящее предстоящее (профетическое), то формы прошедшего времени в примере (10) не могут получить непротиворечивой грамматической атрибуции.

чать — *огорчить*, см. [Падучева 1996: 157—158]), глаголы создания образа (*выражаться* — *выразиться*) и многие другие.

Инвариант, предлагаемый нами для СВ, не охватывает делимитативов и пердуративов; но они, как известно, занимают особое место среди глаголов СВ — например, они совместимы с обстоятельством длительности, которое для обычных глаголов СВ исключено (*поспал два часа, прожил два года* — *написал два часа).

Вывявленные инварианты видового значения позволяют взглянуть на семантику вида под новым углом зрения. Прежние формулировки были ориентированы на р а з л и ч и я в видовых парах; инвариант направляет на поиски семантической общности у глаголов одного вида.

На базе определений I и II можно построить толкование для форм СВ и НСВ градативов, т. е. глаголов, производных от сравнительной степени прилагательного, таких как *увеличиться, повиситься, улучшиться, ухудшиться, удалиться, сократиться, сузиться, удлиниться, укоротиться*. Этот класс, описанный в [Гловинская 1982], во многих отношениях уникален. Неясно, например, являются ли эти глаголы предельными или непредельными? В основном типе видовых пар наличие актуального значения у глагола НСВ, входящего в видовую пару, достаточно для предельности, ср. *таять* — *растаять*. Тут, видимо, не так.

Неясно, далее, какая форма в видовой паре *увеличиться* — *увеличиваться* является семантически исходной — СВ или НСВ? Очевидно, у этих глаголов ни одно из видовых значений не является исходным для другого. Между тем оба имеют толкования, которые соответствуют инварианту.

Глаголу СВ *увеличиться* можно предложить следующую схему толкования:

X увеличился на Q = ‘в момент речи X на Q более Z-овый, чем в некий момент t до момента речи’ [иначе: значение, которое на X-е принимает в момент речи параметр Z, выше на Q, чем до момента речи].

В ситуации, обозначенной глаголом СВ *увеличиться*, есть участник Z — Параметр и участник Q — Разница; *X увеличился на Q* — значит, что до момента речи у X-а было одно значение параметра Z, а в момент речи — другое, большее на Q (или в Q раз). Это толкование не исключает того, что процесс, породивший участника Q, продолжается, так что в некий момент t' после момента речи объект X будет более Z-овый, чем в момент речи. Именно так понимается, например, фраза (13): нет предположения о том, что процесс закончился; не исключено, что в некий момент t' после момента речи X будет выше, чем в момент речи:

(13) *Уровень воды повысился на 5 см* = ‘в момент речи уровень воды на 5 см выше, чем в некий момент t до момента речи’.

Схема толкования для глагола НСВ *увеличиваться*:

X увеличивается = ‘в момент речи X более Z-овый, чем в некий момент t до момента речи, а в некий момент t' после момента речи X будет более Z-овый, чем в момент речи’.

Иными словами, на двух временных интервалах сохраняется одно и то же соотношение, например:

(14) *Уровень воды повышается* = ‘в момент речи уровень воды выше, чем в некий момент t до момента речи, а в некий момент t' после момента речи X будет выше, чем в момент речи’.

Разница между СВ и НСВ сводится к тому, что глагол СВ может быть употреблен и тогда, когда изменение прекратилось, и когда оно продолжается. А НСВ однозначно показывает, что процесс будет продолжаться: форма НСВ выражает прогноз на будущее.

Особенность градативов в том, что у них, несмотря на видовую парность, ни один из видов не является семантически производным по отношению к другому: НСВ содержит упоминание момента t', отсутствующего в СВ, а СВ — участника Q, который задает своего рода промежуточный предел процесса.

Итак, нашелся семантический компонент, который есть, при синхронной перспективе, у всех глаголов НСВ — предельных и непредельных, стативных и динамичных, акциональных и неакциональных (кроме небольшой группы таких, которые не имеют синхронного значения НСВ). И нашелся компонент, который есть у основной массы глаголов СВ.

II

Обратимся теперь к контекстам второго типа и семантике точки зрения (point of view aspect), иначе — перспективы, которая может быть различной у одной и той же словоформы в разных контекстах. С семантикой СВ ничего принципиального в контексте высказывания произойти не может; между тем для словоформы НСВ нужно принять во внимание тот факт, что в контексте высказывания она может пониматься не только в синхронном, но и в ретроспективном ракурсе. Сохраняется ли в этом контексте инвариант, заданный нашим определением?

Анна Вежбицка в работе о польском виде [Wierzbicka 2002: 105] сводит семантику НСВ к обстоятельству FOR SOME TIME ‘в течение некоторого времени’. Поскольку польский и русский вид чрезвычайно близки по семантике и употреблению, вполне естественно ожидать, что этот анализ, если он применим к польскому, будет применим и к русскому языку. Легко видеть, однако, что в русском — как и в польском, что отмечает Вежбицка, — это истолкование проходит для императива, инфинитива, прошедшего и будущего времени, см. (15а), но не проходит для настоящего времени — настоящее время несовершенного вида в актуальном значении не сочетается с обстоятельством *в течение некоторого времени*, см. (15б):

(15) а. *Делай так* = ‘некоторое время делай так’;

Я буду делать так = ‘я буду некоторое время делать так’;

б. *Я делаю так* ≠ ‘я в течение некоторого времени делаю так’.

Иными словами, контекст настоящего речевого, о котором шла речь и который мы считали основным для НСВ, оказывается единственным, где

толкование Вежбицкой НЕ проходит. И ничего удивительного: *в течение некоторого времени* — это показатель длительности с замкнутым временным интервалом (см. о двух типах показателей времени в [Падучева 1988] и [Падучева 1996: 172—181]); он фиксирует в предложении несинхронную позицию наблюдателя — которая очевидным образом противоречит синхронной перспективе настоящего речевого.

Вежбицка осознает трудность, демонстрируемую примерами типа (15), и решает это противоречие, говоря, что имперфективные формы являются в контексте настоящего времени «семантически немаркированными», а за пределами настоящего времени несут «дополнительную семантическую информацию» 'в течение некоторого времени': «В настоящем времени имперфективная форма не передает этой информации, хотя ее прагматически имплицитно (pragmatically implies) семантический компонент СЕЙЧАС, присутствующий в семантике настоящего времени» [Wierzbicka 2002: 105]. В нашем определении инварианта НСВ идея длительности относится не к прагматике, а к семантике: вторая временная точка (отнесенная в будущее) обеспечивает сохранение ситуации на протяжении некоторого отрезка.

Интересно, что идея длительности сохраняется и в пассиве. В работе [Шатуновский 2004] по поводу отрывка из футбольного телерепортажа —

Время будет прибавлено, потому что *была оказана* помощь Дьюфу и были другие остановки —

справедливо говорится, что лучше было бы заменить форму СВ *была оказана* на НСВ *оказывалась*: добавочное время аргументируется не столько фактом оказания помощи, сколько тем, что это заняло какое-то время.

З а м е ч а н и е 2. Семантические отношения между *сейчас* и настоящим временем — это отдельная сложная проблема. Например, известно, что СВ в русском языке невозможен в настоящем времени, но сочетается с *сейчас*, ср *Мы сейчас изменили порядок оформления документов*. Объяснение, которое было предложено этому примеру (в [Падучева 1996: 171]), апеллировало к противопоставлению включенных и объемлющих временных показателей: *сейчас* имеет объемлющий референциальный интервал, а настоящее время — включенный, это точка. Это положение полностью разделяет А. Вежбицка, которая пишет: «Значение [формы настоящего времени] отражает перспективу говорящего, а временная позиция говорящего является внутренней, а не внешней по отношению к референциальному интервалу предложения, содержащего СЕЙЧАС» [Wierzbicka 2002: 105].

Итак, семантический компонент 'в течение некоторого времени' вытекает как следствие из инварианта НСВ, заданного Определением I. Так что этот компонент можно рассматривать просто как альтернативную формулировку для кандидата на роль инварианта, объединяющего синхронный и несинхронный контексты.

Посмотрим, однако, внимательнее на ретроспективные контексты: всегда ли в форме НСВ в этих контекстах присутствует идея длящейся — в течение некоторого времени — ситуации.

В случае предельного глагола это, несомненно, так. В смысл (16) входит смысл 'в течение некоторого времени писал'; результирующее приращение — не только 'действовал с целью', но и 'достиг ее' — возникает как (подавляемая) импликатура:

(16) Кто *писал* эту записку?

Положительный ответ получаем и для глаголов без синхронной перспективы, типа *навестица*: недопустимость синхронной перспективы не мешает реализации компонента 'в течение некоторого времени' при ретроспекции.

Однако для типичного моментального глагола это не так: компонента 'в течение некоторого времени' у него в ретроспективном контексте нет. Синхронная позиция наблюдателя может «выжимать» из семантики моментального глагола, как в настоящем, так и в прошедшем времени, континуальное (синхронное однократное) значение — это может быть значение предстояния (*Я вас покидаю; На следующий день я покидал прекрасную Францию*), тенденции (*Он выигрывает; Мы опаздывали*) или какое-то еще. Но в ретроспективном контексте этот компонент не входит в семантику видовой формы моментального глагола. Так, фраза *Я у него выигрывал* значит 'хоть раз выиграл' — форма *выигрывал* обозначает событие и не включает компонента 'выигрывал в течение некоторого времени'. Таким образом, поиски инвариантной части у синхронного и ретроспективного значения НСВ подтверждают заключение, сделанное в [Падучева 1996: 44—45], что у предельных глаголов исходным для общефактического является актуально-длительное значение, а у моментальных общефактическое значение строится на базе многократного и не включает компонентов предстояния, тенденции и тому подобных, вынуждаемых синхронной перспективой.

* * *

Итак, мы можем заключить, что словоформы НСВ глаголов, относящихся к разным аспектуальным категориям, обнаруживают при синхронной перспективе нетривиальную смысловую общность, которую можно сформулировать как наличие общего компонента. С инвариантом для разных ракурсов дело обстоит сложнее. Здесь тоже действуют общие семантические механизмы, порождающие одни частные аспектуальные значения из других, но они требуют дополнительного изучения.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1980 — Ю. Д. А п р е с я н. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст // Wiener slawistischer Almanach. Sond.-Bd. 1. Wien, 1980.

- Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- Апресян 1988 — Ю. Д. А п р е с я н. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 57—78.
- Булыгина 1980 — Т. В. Б у л ы г и н а. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320—355.
- Булыгина 1982 — Т. В. Б у л ы г и н а. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7—85.
- Гловинская 1982 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1998 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М., 1998. С. 125—134.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Г. А. З о л о т о в а, Н. К. О н и п е н к о, М. Ю. С и д о р о в а. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ — МГУ, 2004.
- Маслов 1976 — Ю. С. М а с л о в. Рец. на кн.: S. G. Andersson. Aktionalität im Deutschen // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 126—129.
- Падучева 1986 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424.
- Падучева 1988 — Е. В. П а д у ч е в а. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование М., 1988. С. 190—201.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Пазельская 2003 — А. Г. П а з е л ь с к а я. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72—90.
- Раппапорт 1998 — Г. Р а п п а р о р т. Перфективация состояний // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М., 1998. С. 381—395.
- Смит 1998 — К. С. С м и т. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М., 1998. С. 404—422.
- Татевосов 2001 — С. Г. Т а т е в о с о в. Аспектуальные классы глаголов // Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Ред. А. Е. Кибрик. М., 2001.
- Шатуновский 2004 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Общефактический НСВ: коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 368—377.
- Antinucci, Gebert 1975 — F. A n t i n u c c i, L. G e b e r t. L'aspetto verbale in polacco // Ricerche slavistiche. 22—23. 1975. P. 5—60.
- Dowty 1979 — D. R. D o w t y. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht (Holland): Reidel, 1979.
- Jackendoff 1990 — R. S. J a c k e n d o f f. Semantic Structures. Cambridge etc.: MIT Press, 1990.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 — B. L e v i n, M. R a p p a r o r t H o v a v. Building Verb Meaning // The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors / Ed. by M. Butt, W. Geuder. CSLI Publications, 1998. P. 97—134.
- Mehlig 1981/1985 — H. R. M e h l i g. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen: (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistische Beiträge. Bd. 147. München: Otto Sagner, 1981. S. 95—151. Сокр. рус. пер.: Х. Р. М е л и г. Семантика

- предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 227—249.
- Smith 1991 — C. S. S m i t h. The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991.
- Tatevosov 2001 — S. G. T a t e v o s o v. The Parameter of Actionality. Moscow, 2001.
- Tatevosov 2002 — S. G. T a t e v o s o v. The Parameter of Actionality // Linguistic typology. Vol. 6. 2002. P. 317—401.
- Wierzbicka 1967 — A. W i e r z b i c k a. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967. P. 2231—2249.
- Wierzbicka 1980 — A. W i e r z b i c k a. Lingua mentalis. Sydney etc., 1980.
- Wierzbicka 1996 — A. W i e r z b i c k a. Semantics: Primes and Universals. Oxford; N. Y., 1996.
- Wierzbicka 2002 — A. W i e r z b i c k a. Actions, events and movements and the problem of aspect in Polish natural semantic metalanguage // Meaning and Universal Grammar. Theory and empirical findings. Vol. 2 / Ed. by C. Goddard and A. Wierzbicka. Amsterdam, 2002. P. 105—125.